

Дмитрий Александрович АВДЕЕВ¹

УДК 342.31; 342.36

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

¹ кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и муниципального права,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет
d.a.avdeev@utmn.ru

Аннотация

В настоящее время при рассмотрении демократических начал российской государственности на первый план выходят проблемы легитимности осуществления публичной власти. Провозглашая народный суверенитет и принципы народовластия, возникают определенного рода трудности в реализации конституционных положений при осуществлении органами публичной власти принадлежащих им полномочий.

В статье сопоставляются между собой взаимосвязанные категории «легитимность», «суверенитет» и «народовластие». Анализируется понятие «народ», дается конституционно-правовой анализ его содержательной характеристики. Автор приходит к выводу, что понятие «народ» многоплановое и может рассматриваться не только с социологических и политологических позиций, но и с юридической. При этом следует различать участие народа в осуществлении публичной власти на различных уровнях: на федеральном, региональном и местном. Это, в свою очередь, позволяет говорить о различном конституционно-правовом статусе носителей власти — граждан.

Эффективное функционирование органов власти возможно не только в случае их легального образования, но и, самое главное, образования их на основе воли большинства граждан, что придает им свойство легитимности. В статье исследуются конституционные основы легитимности органов государственной власти, делается вывод о соответствии осуществляемой ими деятельности политическим интересам российских граждан. Автор использовал метод анализа и синтеза, формально-юридический метод и исторический метод исследования.

Цитирование: Авдеев Д. А. Легитимность публичной власти в России / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. № 3. С. 99-112.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112

В статье анализируются особенности порядка формирования органов публичной власти в Российской Федерации. Автором рассматриваются возможности избирателей выражать свою политическую волю посредством институтов прямой (непосредственной) демократии. На основе чего делается вывод о соответствии российского законодательства представлениям демократического устройства общества.

Ключевые слова

Легальность, легитимность, органы публичной власти, Конституция Российской Федерации, демократия, государственная власть, выборы, государственное управление.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112

Введение

Проблема легитимности и народовластия актуализировалась и вновь приобретает насущный характер в связи с ярко прослеживаемой тенденцией эволюции конституционно-правового статуса органов государственной власти и местного самоуправления и незначительным, но существенным реформированием системообразующего комплекса организации публичной власти при сохранении ее конституционных рудиментов.

Следует отметить, что легитимность стала предметом исследований в основном зарубежных политологов и социологов, при этом, по нашему мнению, легитимность — это, прежде всего, категория юридическая, не исключающая ее рассмотрение иными отраслями знаний. Тесная связь анализируемой категории прослеживается с такими правовыми феноменами как «народовластие» и «суверенитет», которые, в свою очередь, также отличаются неоднозначностью их понимания в силу различных трактовок, что порой порождает дискуссии в юридической науке.

По нашему мнению, исследование легитимности через призму народовластия и суверенитета может позволить выявить особенности организации публичной власти в России и проанализировать известные категории с учетом современного подхода, основанного на комплексности, взаимозависимости и взаимовлиянии их друг на друга, что позволит избежать одностороннего рассмотрения каждого в отдельности.

Легитимность как полифункциональная научная категория

Изначально легитимность, ее типы и сущность были предметом тщательного анализа зарубежных исследователей. Например, М. Вебер рассматривал легитимность с позиций признания власти правителей и обязанности управляемых ей подчиняться, выделяя при этом три ее типа: традиционный, харизматический, рационально-легальный. При этом, данные типы могут дополнять друг друга или быть взаимосвязаны [5, с. 25-26].

По мнению американского политолога Д. Истона, «сущность легитимности сводится к тому, что источником власти выступает идеология, политический режим и политическое лидерство, а граждане поддерживают политические

устремления высших органов власти и управления, осознавая правильность принимаемых ими решений» [9, с. 319-330].

Французский политолог Ж. Шабо рассматривал легитимность как «адекватность реальных или предполагаемых качеств управителей подразумеваемому или ясно выраженному согласию управляемых» [19, с. 160]. На основе чего им выделялось 4 типа легитимности: демократическая, идеологическая, технократическая и онтологическая.

Как показывает аналитический взгляд, эти и другие подходы зарубежных социологов и политологов к понятию легитимности в основном схожи и отличаются лишь теми или иными акцентами. В частности, Ю. Хабермас легитимацию власти рассматривает как интеграцию общества, большинство членов которого поддерживают ценности и нормы, провозглашаемые властью, «чтобы удовлетворить эти притязания, т. е. показать, почему существующие институты достойны и правомочны осуществлять законную власть таким образом, чтобы реализовались основополагающие для идентичности общества ценности» [17, с. 183].

С. М. Липсет рассматривал легитимность как «качество политической системы, как ее способность поддерживать веру населения и социальных групп в то, что существующие политические институты наиболее соответствуют данному обществу» [16, с. 104].

Американский политолог Д. Хелд выделяет 7 вариантов легитимации власти: авторитарная легитимность, традиционная легитимность, согласительная легитимность, прагматическая легитимность, инструментальная легитимность, нормативная легитимность и идеальная нормативная легитимность. Последние два варианта, по его мнению, являются подлинно легитимностью [18, с. 114].

Юридическая концепция легитимности не отличается какой-либо радикальностью и, несмотря на различные мнения и взгляды ученых, сводится к общему пониманию как не только согласие народа с принимаемыми органами публичной власти в соответствии со своей компетенцией нормативно-правовыми актами, но и как всеобщее одобрение и признание их организационной деятельности, выраженное через политическую волю большинства избирателей. Таким образом, установленная законом процедура образования (формирования) высших органов государственной власти должна обеспечивать легитимное свойство организационной деятельности образуемых органов власти и управления, которые формируются посредством волеизъявления избирателей, непосредственно принимающих участие в выборах или в иных формах, выражая свою политическую позицию.

В юридической литературе нет единства в подходе к правопониманию таких понятий, как «легитимность» и «легитимация». Происходящие в настоящее время те или иные изменения политической жизни и проводимые экономические преобразования в значительной степени не способствуют коренному изменению сложившихся социальных отношений, а свидетельствуют о продолжающемся реформировании отдельных аспектов деятельности государственно-правовых институтов в системе ценностей, провозглашаемых Конституцией Российской Федерации, которое можно охарактеризовать как период стагнационной модер-

низации. Связано это не только с подходами различных школ права, но и собственно с философско-мировоззренческими взглядами ученых-правоведов. При этом не стоит забывать, что данные понятия имеют как политологическую, так и социологическую окраску, что порой приводит к дискуссионным столкновениям и спорам научного характера.

Наряду с «легитимностью» в юридической литературе используется понятие «легальность», которое никем не оспаривается, имеет иное смысловое значение и юридическое содержание. Легальность в настоящее время означает законность, т. е. соблюдение определенного рода порядка и установление правил в том или ином процессе, следование этим правилам и установленным нормам, определенную юридическую иерархичность в системе нормативно-правовых актов. В свою очередь, «легитимность» подразумевает придание тем или иным публичным решениям характера народных или же общих, свидетельствующих о наличии в них воли большинства. Ведь «легитимность», по сути, означает выражение воли большинства граждан в форме пассивного доверительного акта, выраженного, в свою очередь, через институты непосредственной (прямой) и опосредованной (представительной) демократии. По верному замечанию К. Шмитта, легитимность включает в себя «огромный пласт социально-психологических представлений, связанных с историей, традицией, представлениями о будущем» [20, с. 75].

Однако следует помнить, что допускаются случаи нелегитимной легальности или же легитимной нелегальности. В этом контексте профессор Л. С. Мамут писал, что допускается существование «легитимирующей иллегальности и делегитимированной законности легальности» [13, с. 213].

Безусловно, «легитимность» является многогранным и многоаспектным понятием. В частности, по мнению К. Ф. Завершинского, легитимность следует рассматривать комплексно, через ее проявления «в доверии к нормам, в законодательном подтверждении прав, в правовой подотчетности власти, в идеологической прозрачности (оправданности верованиями) и в исполнении взятых на себя обязательств» [7, с. 130].

Несмотря на разнообразие моделей организации публичной власти, существующих в настоящее время, общими признаками для всех этих моделей является демократическая основа государства, легитимность образования (формирования) органов публичной власти различного уровня и конституционность их функционирования. Полагаем, что данные характеристики следует рассматривать как ключевые, основополагающие. Именно «конституционализация демократического устройства общества, основанного на легитимности организации и деятельности, во многом будет способствовать обеспечению гармоничного функционирования не только всей системы публичной власти, но и политико-правового и социально-экономического развития самого общества» [2, с. 50].

В рассматриваемом нами контексте легальность означает установленный законом порядок (процедура), позволяющий образовывать (формировать) высшие органы государственной власти как федерального, так и регионального

(субъектного) уровней. Как верно указывает И. А. Исаев, «легальность власти еще не означает ее законности, если при этом не учитывается индивидуальность и если ее предписания абстрактны и ни к кому не обращены; легальность же, поддержанная легитимизацией через посредство признания, похоже, может рассчитывать уже на большую значимость и долговечность» [8, с. 2].

«Легитимность» же (от лат. *legitimus* — согласный с законами, законный, правомерный) означает положительное отношение жителей страны, общественного мнения (в т. ч. зарубежного) к действующим в конкретном государстве институтам власти, признание их правомерности. «Легальность» же — это признание какой-либо организации, процедуры, общественного отношения существующими на законных основаниях. Аналогом легальности в российской нормативно-правовой терминологии является законность. В свою очередь «легитимация» — это узаконение какого-либо нового политического режима, придание ему легитимности [4].

Отражением процесса легитимации органов публичной власти, безусловно, являются выборы, как одно из средств проявления народовластия. Однако избирательные кампании последних лет вызывают достаточно оживленную критику со стороны ученых-правоведов. Так, Н. А. Боброва, анализируя итоги выборов депутатов Государственной Думы VII созыва 18 сентября 2016 г., заключает, что «призрачная либерализация обернулась разгромом оппозиции, поскольку была не чем иным, как ловкой электоральной ловушкой, в которой утонуло 22 млн голосов избирателей, доставшихся в итоге «Единой России» и, в меньшей степени, партиям системной оппозиции. Как это ни парадоксально, разгром оппозиции на парламентских выборах-2016 осуществлен ею же самой: оппозиционные партии рвали голоса друг у друга» [3, с. 47]. Избирательные технологии, которые получили законодательное закрепление в ходе модернизации избирательного законодательства, по мнению Н. А. Бобровой, «привели к запланированному разгрому непарламентских оппозиционных партий (а частично и парламентских) путем дробления их электората в результате как минимум восьми мер, а именно: 1) ликвидация строки «против всех»; 2) снижение до 20% и последующая ликвидация обязательного процента явки на парламентских выборах; 3) введение проходного барьера с последующим манипулированием им (5-процентный барьер увеличен до 7%, а затем частично снижен до 5%); 4) либерализация порядка создания партий; 5) либерализация условий участия партий в парламентских выборах; 6) бюджетная подпитка партий, преодолевших 3-процентный барьер на выборах в Госдуму; 7) ликвидация избирательного залога, что многократно сузило пассивное избирательное право; 8) шестикратное (с 0,5 до 3%, т. е. до 15 тыс.) увеличение количества подписей избирателей, необходимых для регистрации кандидата, что делает самовыдвижение уделом политических самоубийц, либо таких политических и финансовых тяжеловесов, которые устраняют конкурентов методом договоренностей еще на стадии выдвижения» [3, с. 46].

По верному замечанию А. А. Керимова, в качестве основного индикатора «делегитимизации политической власти выступает уровень политического про-

теста населения. Первоначально протест может выражаться в виде абсентеизма, снижения показателей на выборах, референдумах и т. д., которые свидетельствуют о низком уровне легитимности. За этими проявлениями может последовать активная фаза протеста, направленная на свержение существующей власти с последующим распадом политического режима» [10, с. 88].

Суверенитет и легитимность

По нашему мнению, следует говорить о непосредственной связи между легитимностью и суверенитетом, которая проявляется в том, что посредством обладания учредительной властью народ, будучи политическим сувереном, через установленную законом процедуру легитимирует органы публичной власти. Следовательно, образованные (формируемые) непосредственно народом (в данном контексте лучше говорить «избирателями») органы публичной власти различного уровня выступают субъектами осуществления публичной власти, осуществляющие свои компетенционные полномочия на основе выраженного политического доверия большинством граждан из числа избирательного корпуса.

«Суверенитет народа, — по мнению Ж. И. Овсепян, — означает, что он является обладателем (исключительным субъектом) права на особый вид государственной власти — учредительную власть и субъектом публичного права — прежде всего права верховной законодательной власти в государстве. Суверенное право народа на суверенную власть подразумевает, в частности, что только народ как высшая инстанция может принимать решение о выборе новой формы правления, о наилучшей организации высшей (верховой) власти и т. д. Признание суверенитета народа предполагает также признание его субъектом двух видов правоотношений: так называемых общерегулятивных отношений (под которыми в научной теории понимаются устойчивые, длящиеся отношения, неопределенные (неограниченные) во времени, отношения-состояния) и конкретных конституционно-правовых (государственно-правовых) отношений, связанных с сосуществованием форм непосредственного народовластия (выборы, референдум, плебисциты и др.)» [15, с. 20].

Отдельно хотелось бы сказать, что деление суверенитета на народный, национальный и государственный теряет свою теоретико-практическую значимость с учетом современного развития государственно-правовых институтов власти. Следует согласиться с доводами Л. А. Морозовой, что «малопродуктивным, а главное — практически неоправданным представляется установление иерархии понятий народного, национального и государственного суверенитетов. Это политико-правовые категории являются самостоятельными, относятся к различным сферам государственной и общественной жизни, сосуществуют и взаимно дополняют друг друга, однако не способны к взаимозамещению. Без государственного суверенитета невозможен народный суверенитет, поскольку не будут определены пределы его реализации. Национальный суверенитет не всегда воплощается в государственном суверенитете. Вместе с тем государственному суверенитету необязательно предшествует суверенитет народа именно как установление

народовластия. И хотя в конституциях многих государств декларируется суверенитет народа, однако существуют государства (главным образом монархической формы правления и теократической типологии), где народовластие не только фактически отсутствует, но даже формально не провозглашается.

Таким образом, государственный, народный и национальный суверенитеты необходимо рассматривать как самостоятельные категории, не исключающие друг друга, но и не всегда присутствующие в конкретном обществе» [14, с. 57-58].

Народовластие и легитимность

Принадлежность публичной власти всему народу является атрибутивным признаком современного правового и демократического государства. В настоящее время подавляющее большинство конституций нового и новейшего времени провозглашают принцип народовластия. Образованные на постсоветском пространстве суверенные государства в своих конституциях сохранили конституционную преемственность в его закреплении как основы организации государственной власти, конкретизируя при этом, что именно народ является носителем суверенитета и единственным источником власти, осуществляющим принадлежащую ему власть в тех или иных формах. Получили также конституционное оформление различного рода запреты на насильственный захват власти или же присвоение власти отдельным лицом или группой лиц, не допускается приостановление или прекращение деятельности органов публичной власти антиконституционными мерами и способами, т. е. теми, которые не предусмотрены конституцией.

Установление на конституционном уровне принципа народовластия позволяет говорить о легитимности образования (формирования) высших органов публичной власти различного уровня и осуществление ими своих полномочий от имени и во имя народного большинства. Безусловно, положения Конституции теряют всякий смысл и значение, если они не подкреплены в действительности этой «народной волей», которая придает не только легальный характер деятельности образованных органов власти и управления, но и, самое главное, имеет свойство легитимности осуществления властных полномочий. При этом образование (формирование) органов публичной власти осуществляется на основе доверия большинства избирателей, выразивших свои политические убеждения и пристрастия посредством выборов, референдума и иных институтов, а также форм демократии. Следовательно, народовластие является конституирующим началом в организации и деятельности органов публичной власти различного уровня.

Таким образом, современное государство может считаться цивилизованным при условии соответствия определенным требованиям, которые являются показателями уровня правового развития социума. Известно, что, принимая конституцию, политическая элита, прежде всего, стремится юридически закрепить сложившуюся в государстве организацию публичной власти, основываясь прежде всего на легитимности своей деятельности. Однако, как показывает опыт, расхождение между юридическим провозглашением принципа народовластия и действительностью подрывает авторитет конституции, а это, в свою очередь,

может означать фиктивный характер органов народного представительства, и, как следствие, утрату доверия народного большинства, и самоустранение граждан от участия в делах государства, что может проявляться в абсентеизме и игнорировании (неиспользовании) каких-либо форм демократии.

По нашему мнению, нуждается в уточнении юридическое значение понятия «народ». Принадлежность всей полноты власти конституции закрепляют именно за народом, подчеркивая особый и важный характер народа как источника власти носителя суверенитета. Так, согласно ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Кыргызстан, народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти. Аналогичное положение содержится в абз. 1 ст. 5 Конституции Украины и ч. 1 ст. 3 Конституции Республики Беларусь. Вся государственная власть исходит от народа (ч. 2 ст. 1 Конституции Болгарии). Ст. 1 Конституции Армении провозглашает, что вся власть в Республике принадлежит народу. В ст. 1 Конституции Эстонии устанавливается, что носителем верховной власти является народ. В соответствии со ст. 2 Конституции Латвийской Республики суверенная власть государства принадлежит народу Латвии. Конституция Грузии устанавливает, что источником государственной власти является народ (ч. 1 ст. 5).

Примечательно, что Конституции Узбекистана (ст. 8) и Таджикистана (ст. 6) устанавливают, что народ составляют граждане Республики, независимо от их национальности. Конституция Азербайджана также поясняет, что следует понимать под народом, который является единственным источником государственной власти. Так, народ Азербайджана состоит из граждан Азербайджанской Республики, проживающих на территории Республики и за ее пределами, рассматривающихся как подвластные Азербайджанскому государству и его законам, что не исключает нормы, установленные международным правом. Примечательно, что суверенитет народа Азербайджана проявляется в его праве свободно и независимо определять свою судьбу и учреждать свою форму правления.

По нашему глубокому убеждению, следует все-таки различать лиц, имеющих юридические полномочия по участию в осуществлении государственной власти непосредственно через институты прямой демократии, а также лиц, обладающих полномочиями по участию в осуществлении публичной власти. Следовательно, в первом случае речь идет по сути об избирателях [1], во втором же о лицах, наделенных политическими правами по публичному управлению. В частности, на местном уровне участниками территориального общественного самоуправления могут быть лица, достигшие 16-летнего возраста. Кстати, обращает на себя внимание тот факт, что организатором митингов и собраний может быть также лицо, достигшее 16-летнего возраста, что является исключением из общего правила.

Заключение

Подводя некоторые итоги нашим размышлениям, стоит отметить, что говорить о легитимности публичного управления можно в случае, когда общественное мнение народного большинства, выраженное через политическую волю избирателей, соответствует результатам деятельности органов государственной

власти и местного самоуправления. Ведь показатели эффективности деятельности органов публичной власти — это не только достижение поставленных задач и решения тех или иных проблем, но, прежде всего, одобрение со стороны народа той политики, тем методам и способам, которые используются представителями государственных органов при осуществлении своих компетенционных полномочий.

Другой вопрос, насколько отражают народную волю в функциональной деятельности органы публичной власти, насколько отвечают требованиям и народным чаяниям образованные (сформированные) органы публичной власти. Не исключаем, а скорее допускаем, ситуацию, когда легально образованные органы власти не в полной мере отражают народные ожидания и потребности в своей деятельности.

Важную роль продолжают играть политическая культура избирателей и правосознание граждан, принимающих участие в управлении делами государства на всех уровнях проявления публичной власти. Всевозможного рода показатели и статистические данные участия граждан в публичном управлении демонстрируют качественный уровень легитимности и соответствие народной воли большинства граждан, выраженного через институты прямой и непосредственной демократии. Низкая явка избирателей (около 48%) на прошедшие в 2016 г. парламентские выборы является сигналом, свидетельствующем о степени доверия большинства избирателей к власти. Полагаем, что проблемы легитимности порядка образования (формирования) органов публичной власти требуют своего скорейшего разрешения, ибо юридическая чехарда с избирательным законодательством может привести к пагубным последствиям игнорирования институтов выборов и равнодушного в юридическом смысле отношения к управлению делами государства. Не учитывать это значит обрекать себя на очередную волну недовольства и накопления аполитичности в рядах большинства российских граждан. Еще Ф. Ф. Кокошкин писал, что «только развитие самодеятельности народа может служить прочным фундаментом благополучия и национального прогресса» [11, с. 49-50].

Наблюдаемая трансформация в системе ценностных установок в условиях политического плюрализма, а также в отсутствие тотального патриотического воспитания привели к проявлению абсентеистических настроений среди российского электората, что отчасти выгодно правящему политическому классу, так как это позволяет более точно спрогнозировать исход голосования [6, с. 752]. Истоки абсентеизма в современном российском обществе, согласно позиции В. С. Комаровского, кроются «в далеко зашедшем процессе, отчуждении российских граждан от власти, их равнодушно-подавленном отношении к действительности, политической в том числе, недоверии к деятельности институтов власти и политики» [12, с. 187].

Демократическая основа управления позволяет гражданам придавать легитимность органам публичной власти и принимаемым им решениям, целью которых является эффективное регулирование социальных процессов. Процесс

формирования (образования) органов публичной власти должен быть воспринят самим обществом, а следовательно, соответствовать уровню его правовой культуры и правосознанию граждан. Ведь легитимность органов публичной власти не обязательно должна означать их непосредственное образование (формирование) гражданами. Не исключается, а наоборот будет востребованным сочетание различных методов, способов и процедур (назначение, избрание, предоставление, наделение и т. д. и т. п.) при образовании (формировании) органов публичной власти различного уровня. По нашему убеждению, найти оптимальный способ образования (формирования) того или иного органа публичной власти будет являться залогом успеха и общественно-государственного компромисса между представителями власти и народной воли в процессе отечественного управления делами государства.

В современном государстве, характеризующимся высокоразвитым и цивилизованным, при организации публичной власти акценты должны быть смещены не на то, каким образом образуются (формируются) те или иные органы публичной власти, а какова эффективность их деятельности. Ведь подавляющее большинство граждан заинтересовано именно в результатах их повседневной работы. Тем не менее, это ни в коей мере не означает, что следует отказаться от привлечения граждан к участию в делах государства посредством ограничения демократических процедур образования (формирования) органов публичной власти, применяя при этом иные процедуры. Однако в силу ряда обстоятельств и сложившихся исторических и иных условиях порядок образования (формирования) органа публичной власти имеет значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев Д. А. Избиратели как источник власти, или юридическое измерение категории «народ» / Д. А. Авдеев // Современное право. 2015. № 11. С. 25-30.
2. Авдеев Д. А. Легитимность и легальность порядка образования высших органов государственной власти / Д. А. Авдеев // Совершенствование правового регулирования организации и проведения выборов: дефекты законодательства и кадровый потенциал. Сборник материалов / ГАУК ТОНБ им. Д. И. Менделеева, сост. И. Н. Халин, А. С. Николаев, С. В. Рыков. Тюмень, 2017. С. 43-52.
3. Боброва Н. А. Конституционное право как инструмент управления будущим, или итоги выборов-2016 / Н. А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 47.
4. Большой Юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2001.
5. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990.
6. Горбачев А. А. Тенденции и противоречия в процессе формирования Российского парламентаризма / А. А. Горбачев, А. К. Скочиков // Право и политика. 2011. №5 (137). С. 752.
7. Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К. Ф. Завершинский // Полис. 2001. № 2. С. 130.

8. Исаев И. А. Легитимность и легальность в конституционном праве / И. А. Исаев // История государства и права. 2012. № 6. С. 2.
9. Истон Д. Системный анализ политической жизни (1965) / Д. Истон // Политология: хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М., 2000.
10. Керимов А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели / А. А. Керимов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 «Общественные науки». 2015. № 1 (Том 137). С. 88.
11. Кокошкин Ф. Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России / Ф. Ф. Кокошкин. М., 1906. С. 49-50.
12. Комаровский В. С. Эффективность и легитимность парламента в ракурсе электорального процесса / В. С. Комаровский // Сравнительное изучение парламентов и опыт парламентаризма в России: выборы, голосование, репрезентативность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию принятия закона о выборах депутатов I Государственной думы. Спб., 15-16 декабря 2005 г. / под ред. Ю. Н. Солонина, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 187.
13. Мамут Л. С. Легитимация государства / Л. С. Мамут // Право и общество в эпоху перемен. М., 2008. С. 213.
14. Морозова Л. А. Современное прочтение теории государственного суверенитета / Л. А. Морозова // Государство и право. 2017. № 2 С. 53-59.
15. Овсян Ж. И. Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований / Ж. И. Овсян // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 20.
16. Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия / А. Ф. Филиппов // Полития. 2002. № 2.
17. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. М., 2010.
18. Хелд Д. Глобальные трансформации / Д. Хелд. М., 2004.
19. Шабо Ж. Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления / Ж. Л. Шабо // Полис. 1993. № 4.
20. Шмитт К. Политическая теология / К. Шмитт. М., 2000. С. 75.

Dmitry A. AVDEEV¹

LEGITIMACY OF PUBLIC AUTHORITY IN RUSSIA

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Institute of State and Law, University of Tyumen
d.a.avdeev@utmn.ru

Abstract

Nowadays, when considering the democratic principles of Russian statehood, the problems of the legitimacy of the exercise of public authority come to the fore. Declaring people's sovereignty and the principles of democracy, some difficulties arise in the implementation of constitutional provisions when public authorities exercise their powers.

This article compares interrelated categories of “legitimacy”, “sovereignty” and “democracy”. The author analyzes the notion “people” and provides the constitutional legal analysis of its content characteristic. He concludes that the concept “people” is multifaceted and can be viewed not only from sociological and political positions, but also from the legal one. At the same time, it is necessary to distinguish between the participation of the people in the implementation of public power at various levels: at the federal, regional and local. This, in its turn, allows to talk about the different constitutional and legal status of the holders of power — the citizens.

Effective functioning of government bodies is possible not only in the case of their legal formation, but also, most importantly, in the case of their formation based on the will of the majority of citizens, which grants them the legitimacy. This article explores the constitutional foundations of the legitimacy of public authorities and concludes that their activities are in line with the political interests of the Russian citizens. The author has used a method of analysis and synthesis, formal-legal method and historical method of research.

This article has analyzed peculiarities in forming bodies of public power in Russian Federation. The author considers the problem of electorate's possibility to express its political will by institutes of straight (immediate) democracy. According to these matters, the author makes a conclusion of conformity of the Russian legislation to the conception of democratic society system.

Citation: Avdeev D. A. 2017. “Legitimacy of Public Authority in Russia”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 3, no 3, pp. 99-112.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112

Keywords

Legality, legitimacy, public authorities, the Constitution of the Russian Federation, democracy, state power, elections, public administration.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-99-112

REFERENCES

1. Avdeev D. A. 2015. "Izbitateli kak istochnik vlasti, ili yuridicheskoe izmerenie kategorii 'narod'" [Voters as a Source of Power, or Legal Dimension of the Category "People"]. *Sovremennoe pravo*, no 11, pp. 25-30.
2. Avdeev D. A. 2017. "Legitimnost' i legal'nost' poryadka obrazovaniya vysshih organov gosudarstvennoj vlasti" [Legitimacy and Legality of the Procedure for the Formation of Higher Bodies of State Power]. In: Khalin I. N., Nikolaev A. S., Rykov S. V. (comps). *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya organizatsii i provedeniya vyborov: defekty zakonodatel'stva i kadrovyy potencial*. Sbornik materialov, pp. 43-52. Tyumen: GAUK TONB im. D. I. Mendeleeva.
3. Bobrova N. A. 2017. "Konstitucionnoe pravo kak instrument upravleniya budushchim, ili togi vyborov-2016" [Constitutional Law as a Tool for Managing the Future, or the Results of the 2016 Elections]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, no 1, pp. 47.
4. Suhareva A. Ya., Krutskih V. E. (eds). 2001. *Bol'shoj Yuridicheskij slovar'* [The Great Legal Dictionary]. 2nd edition, revised. Moscow: INFRA-M.
5. Weber M. 1990. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow.
6. Gorbachev A. A., Skovikov A. K. 2011. "Tendencii i protivorechiya v processe formirovaniya Rossijskogo parlamentarizma" [Tendencies and Contradictions in the Formation of Russian Parliamentarism]. *Pravo i politika*, no 5 (137), pp. 752.
7. Zavershinskij K. F. 2001. "Legitimnost': genesis, stanovlenie i razvitie koncepta" [Legitimacy: Genesis, Formation and Development of the Concept]. *Polis*, no 2, pp. 130.
8. Isaev I. A. 2012. "Legitimnost' i legal'nost' v konstitucionnom prave" [Legitimacy and Legality in Constitutional Law]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no 6, pp. 2.
9. Iston D. 2000. "Sistemnyj analiz politicheskoy zhizni (1965)" [System analysis of political life (1965)]. In: Vasilik M. A., Vershinin M. S. (comp.). *Politologiya: hrestomatiya*. Moscow.
10. Kerimov A. A. 2015. "Legitimnost' politicheskoy vlasti: problemy definicii i osnovnye teoreticheskie modeli" [Legitimacy of Political Power: The Problems of Definition and the Main Theoretical Models]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, no 1 (vol. 137), pp. 88.
11. Kokoshkin F. F. 1906. *Ob osnovaniyah zhelatel'noj organizatsii narodnogo predstavitel'stva v Rossii* [On the Grounds for the Desirable Organization of People's Representation in Russia], pp. 49-50. Moscow.
12. Komarovskij V. S. 2005. "Effektivnost' i legitimnost' parlamenta v rakurse ehlektoral'nogo processa" [The Effectiveness and Legitimacy of Parliament in the Perspective of the Electoral Process]. In: Solonin Yu. N., Smorgunov L. V. (eds). *Sravnitel'noe izuchenie parlamentov i opyt parlamentarizma v Rossii: vybory, golosovanie, reprezentativnost': Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj*

- 100-letiyu prinyatiya zakona o vyborah deputatov I Gosudarstvennoj dumy. Sankt-Peterburg, 15-16 dekabrya 2005 g., p. 187. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
13. Mamut L. S. 2008. "Legitimaciya gosudarstva" [Legitimacy of the State]. In: Pravo i obshchestvo v ehposu peremen, p. 213. Moscow.
 14. Morozova L. A. 2017. "Sovremennoe prochtenie teorii gosudarstvennogo suvereniteta" [Modern Reading of the Theory of State Sovereignty]. Gosudarstvo i pravo, no 2, pp. 53-59.
 15. Ovsepyan Zh. I. 2017. "Suverenitet kak estestvennoe publichnoe pravo: o modifikacii predstavlenij o prirode i haraktere suvereniteta, ob ehtapah (pokoleniyah) i napravleniyah ego nauchnyh issledovaniy" [Sovereignty as a Natural Public Right: On the Modification of Ideas about the Nature and Nature of Sovereignty, on the Stages (Generations) and Directions of Its Scientific Research]. Zhurnal rossijskogo prava, no 2, pp. 20.
 16. Filippov A. F. 2002. "Politicheskaya sociologiya. Fundamental'nye problemy i osnovnye ponyatiya" [Political Sociology. Fundamental Problems and Basic Concepts]. Politiya, no 2.
 17. Habermas J. 2010. Problema legitimacii pozdnego kapitalizma [The Problem of Legitimization of Late Capitalism]. Moscow.
 18. Held D. 2004. Global'nye transformacii [Global Transformations]. Moscow.
 19. Shabo Zh. L. 1993. "Gosudarstvennaya vlast': konstitucionnye predely i poryadok osushchestvleniya" [State Power: Constitutional Limits and the Procedure for Implementation]. Polis, no 4.
 20. Shmitt K. 2000. Politicheskaya teologiya [Political Theology], p. 75. Moscow.